

Безгосударственность как нормальный формат социальной жизни: аргументация Дж. Скотта

Ирина Троицук*

Информацию о Джеймсе Скотте (02.12.1936), которая представлена на самых разных российских и зарубежных интернет-ресурсах, можно суммировать следующим образом: профессор политических наук Йельского университета (возглавляет Программу аграрных исследований), известный американский антрополог и специалист по изучению крестьянства Юго-Восточной Азии и Африки, каждая книга которого, будучи изданием сугубо научным (вряд ли найдется работа о моральной экономике и крестьянстве, где не даны ссылки на результаты научных изысканий Скотта), вызвала широкий резонанс далеко за пределами профессионального сообщества.

В России наиболее известна единственная переведенная на русский язык книга Скотта «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни» (пер. с англ. Э. Н. Гусинского и Ю. И. Турчаниновой; М.: Университетская книга, 2005). Между тем проблематику моральной экономики и «орудий слабых» в традиционных сообществах он начал разрабатывать еще в 1970-х годах, когда методом включенного наблюдения проводил полевые исследования эволюции властных отношений в сельских сообществах Бирмы, Вьетнама, Малайзии и Индонезии («Моральная экономика крестьян: стратегии выживания и бунта» [1976], «Оружие слабых: повседневные формы крестьянского сопротивления» [1985], «Подчинение и искусство сопротивления: скрытые послания» [1990] и др.).

В настоящее время Скотт заканчивает работу над книгой «Достоинство, осмысленный труд и игра», освещающей его «взаимоотношения с анархистской мыслью», и сборником статей «Декодирование тактик подчинения: идеология, маскировка и сопротивление в аграрной политике», который будет включать его малоизвестные работы, существенно дополненные новым эмпирическим материалом¹. В 2014 году он планирует опубликовать книгу по истории одомашнивания и становления первых государств. Она написана по мотивам лекций, прочитанных им в мае 2011 года в рамках проекта «The Tanner Lectures». Сокращенный перевод первых двух лекций из данного цикла («Многовидовой переселенческий лагерь эпохи позднего неолита» и «Очарование последних веков варварской жизни») и представлен на страницах «Социологического обозрения».

---

* **Троицук Ирина Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии РУДН. Email: irina.trotsuk@yandex.ru

© Троицук И. В., 2012

© Центр фундаментальной социологии, 2012

1. Из резюме Скотта, размещенного на сайте Программы аграрных исследований Йельского университета.

Многие идеи, которые уже озвучены Скоттом в лекциях и только планируются к опубликованию на страницах будущих книг, получили развернутое обоснование в его последней работе — «Искусство неуправляемой жизни: анархистская история высокогорий Юго-Восточной Азии» («The art of not being governed: an anarchist history of upland Southeast Asia» [New Haven: Yale University Press, 2009]). Скотт пишет об извечном и наиболее успешном в прежние исторические эпохи стремлении людей выйти из-под влияния государства во всех смыслах этого слова: сначала это реальное географическое перемещение на территории, недоступные в силу сложных рельефных и/или природно-климатических условий для государственного контроля, а затем целенаправленное сохранение безгосударственного состояния с помощью самых разных жизненных практик — выращивания культур, которые не требуют оседлого образа жизни; отказа от создания крупных городов; рассеивания по огромной территории; поддержания «гибкой этнической идентичности»; подчинения только харизматическим лидерам и сохранения в основном бесписьменной культуры, чтобы быстро переформатировать свою историю и генеалогию, адаптируясь к изменениям условий жизни «между» государствами. Предлагаемая Скоттом аналитическая оптика, по его собственному признанию, требует «деконструкции доминирующего цивилизационного дискурса о «варварстве», «нецивилизованности», «примитивности», которые при ближайшем рассмотрении оказываются синонимами безгосударственного состояния; этот дискурс никогда не допускал мысли о возможности добровольного перехода людей в варварство, всячески стигматизируя и этнизируя его».

В книгах и лекциях Скотта много ярких идей и необычных аналитических «фокусировок», которые подкрепляются интереснейшим фактическим материалом из разных дисциплинарных областей, но мне бы хотелось отметить три принципиальные черты его работ. Во-первых, он готов признавать обоснованность критических замечаний читателей, что является редкостью для научного мира. Скотт сразу отмечает лишь самые неправомерные из них, используя следующие аргументы: ничего нового он не изобрел и не написал — лишь иначе контекстуализировал и соединил в единый исторический рисунок давно известные и не им открытые факты; все сказанное им не имеет смысла для периода после Второй мировой войны, когда национальным государствам удалось изменить стратегический баланс сил с самоуправляющимися сообществами в свою пользу; его радикальный социальный конструктивизм в оценке этногенеза — не попытка девальвировать понятие этнической идентичности, поскольку он искренне восхищается теми, кто рискует жизнью в борьбе этнических групп за независимость.

Во-вторых, Скотт неоднократно подчеркивает уважение к иному социальному опыту: для него большинство жителей периферии — не недоразвитые примитивные недолюди, отбившиеся от магистральной линии цивилизационного развития, а «сознательные варвары», чье повседневное существование, социальная организация, территориальное расселение и многие элементы культуры целенаправленно спроектированы так, чтобы предотвратить поглощение близлежащими государствами и создание сходных с ними структур власти. Скотт предлагает читателю попытаться

иначе взглянуть на исторический процесс и «увидеть» его не как универсальную линейную эволюцию примитивных социальных структур в цивилизованное состояние (общепринятая версия истории), а как совокупность разных моделей социальности и их циклических переходов друг в друга. В этом смысле работы Скотта, безусловно, расширяют научный кругозор читателей, активизируют их «социологическое воображение» и смиряют с мыслью о том, что ни одна из моделей социальности не может считаться единственно верной и вечной.

И, наконец, работы Скотта стилистически близки художественной литературе: читаются как увлекательный приключенческий роман, насыщены историческими фактами и этнографическими данными, лишены цивилизационного шовинизма «белого человека», проникнуты эмоциональной теплотой, уважением и даже детским восторгом перед иным, чем доминирующие цивилизационные модели, социальным выбором (который к тому же значительно усложняет повседневное существование своих приверженцев), пестрят «вкусными» словосочетаниями, занимательными авторскими приемами максимального вовлечения читателя в повествование и, казалось бы, неожиданными, но очень точными параллелями с современностью.